

УДК 343.11

ПРЕДМЕТ ЭКСТРАОРДИНАРНОЙ КАССАЦИОННОЙ ПРОВЕРКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СВОЙСТВА RES JUDICATA

М. В. Сидоренко

Московский институт государственного управления и права, г. Москва

Анализируются последствия принятия Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ, согласно которому российское кассационное производство существенным образом реформировано по образцу национального надзорного производства. Делается вывод о важности правосознания судей, понимающих как ценность ограниченного предмета экстраординарной проверки, так и истинное назначение исключительных контрольно-проверочных производств в контексте институциональной идеи определенности права. На примере конкретного судебного акта обновленной российской кассации автор анализирует итоговые решения суда на предмет соответствия правилу *res judicata* и сути нового кассационного производства.

Ключевые слова: *Верховный Суд России, кассационное производство, суд, судья.*

Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ российское кассационное производство, как известно, существенно реформировано и в итоге урегулировано по достаточно апробированному (как во временном, так и в практическом аспекте) образцу национального надзорного производства. При анализе внесенных новаций исследователи прежде всего отмечают кардинальное изменение предмета кассационной проверки и отнесение к последнему, во-первых, итоговых и промежуточных актов суда, вступивших в законную силу (в российской традиции – окончательных актов суда), во-вторых, в контексте непосредственного предмета проверки и оценки кассационного состава суда – исключительно свойств законности постановленных актов (ст. 401.1 УПК РФ), а также принципиальное отрицание потенциальной возможности к «перепроверке» фактической стороны приговора и свойств его справедливости¹.

В итоге уверенно декларировалось эволюционное возвращение несколько эклектичной, «советской» кассации к исходному и

¹ См., напр.: Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в уголовном процессе: изъяны законодательных новелл // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 4 - 45; Потапов В.Д. Кассационное и надзорное производство: общее и особенное в контексте законодательных новелл от 29 декабря 2010 г. // Уголовное право. 2011. № 2. С. 99 - 102.

классическому континентальному своему образцу (Франция, Германия), определяющим свойством которого является правило *res judicata*.

Правда, не всеми из представителей российской уголовно-процессуальной доктрины были восприняты и, безусловно, одобрены векторы столь радикальных реформ. Например, Ю.В. Кувалдина, анализируя нормы закона от 29 декабря 2010 г., с достаточно большой долей уверенности пишет о том, что требования законности и обоснованности судебных решений диалектически взаимосвязаны между собой. Соответственно приговор, вступивший в законную силу и «...содержащий выводы, не соответствующие фактическим обстоятельствам дела, заведомо незаконен»². Отсюда вполне ожидаемый вывод, согласно которому реальная проверка кассационным судом юридической законности данного приговора *a priori* невозможна и, по сути, бессмысленна без всесторонней проверки тем же судом фактической обоснованности итоговых выводов суда, изложенных в описательно-мотивировочной части проверяемых актов.

Казалось бы, какое отношение к практике кассационного производства имеет указанное различие в векторах доктринального толкования законодательной воли. Являясь независимым органом власти и обладая признанной и наработанной компетентностью в процессе отправления правосудия, суд буквально воспримет и реализует волю закона, в том числе пресекая любые попытки сторон к расширению законодательно определенного предмета проверки, к постановке на предмет оценки суда тех вопросов и обстоятельств, которые *a priori* не могут быть решены достоверно при помощи ограниченных кассационных познавательных средств. В итоге для подтверждения этого исходного тезиса оставалось лишь обратиться к практической составляющей обновленной кассации, имея предметом внимания прежде всего предмет кассационной проверки и его соответствие правилу *res judicata*.

В качестве выборки репрезентативных эмпирических данных были избраны итоговые кассационные акты Судебной коллегии по уголовным делам, размещенные на официальном сайте Верховного Суда РФ. Предполагалось, что именно в силу высокого авторитета этой судебной инстанции ее подходы и итоговые судебные акты послужат образцом, соблюдения буквы закона, а также в качестве образцов-прецедентов в целом для судебной системы.

При обращении к сути кассационной проверки вполне ожидаемо выяснилось, что сторона защиты еще не в полной мере восприняла

² Кувалдина Ю.В. Обжалование приговоров, постановленных в особом порядке: настоящее и будущее // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. С. 14 - 15.

кардинальное изменение векторов законодательной воли. В содержательной части подавляющего числа кассационных жалоб (72,4% изученных) все также формулируются притязания о проверке фактической стороны приговора и новой оценке доказательств, о несправедливости, в данной связи, приговора и необходимости его изменения. При этом указанное присуще как кассационным жалобам самих осужденных³, так и доводам и притязаниям их юридически квалифицированных представителей (защитников)⁴.

Мотивы отмеченных обращений, признаем, в целом понятны: осужденные все также призваны оценивать кассационное производство как ординарное средство судебной защиты, в том числе призванное к всесторонней оценке не только доводов жалобы, но и в целом фактических обстоятельств уголовного дела. В данной связи, несмотря на законодательный запрет ст. 401.1 УПК РФ, сторона защиты все также апеллирует к фактической стороне приговора, субъективно надеясь на полноту и эффективность кассационной формы проверки. В контексте правила *res judicata* для нас несравненно важнее правосознание судей, правильно понимающих как ценность ограниченного предмета экстраординарной проверки, так и истинное назначение исключительных контрольно-проверочных производств в рамках институциональной идеи определенности права. Именно в этом контексте проанализируем суть итоговых выводов суда на одном из примеров актов обновленной российской кассации.

Обратимся к определению Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 29 января 2015 г. № 71-О15-1 по кассационной жалобе осужденного К. на приговор Калининградского областного суда от 10 июня 2003 г. Как видим, осужденный и его защитник кассируют к фактической необоснованности постановленного по первой инстанции приговора, к существенным нарушениям закона при предыдущем производстве по делу, к явной несправедливости судебного акта.

Так, в кассационной жалобе осужденный К. указывает на несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела. Утверждает, что преступления не совершал, имеет в наличии алиби, которое судом не проверено. Считает, что суд дал неправильную оценку доказательствам; видит недоказанными и противоречивыми значимые обстоятельства дела.

³ См., напр.: Кассационное определение СК ВС РФ от 26.02.2015 г. № 49-О15-1; от 05.03.2015 г. № 20-О15-1сп; от 25.03.2015 г. № 4-О15-1; от 03.03.2015 г. № 69-УД15-3; от 29.01.2015 г. № 71-О15-1; от 12.03.2015 г. № 18-УД14-65.

⁴ См., напр.: Кассационное определение СК ВС РФ от 05.03.2015 г. № 20-О15-1сп; от 26.02.2015 г. № 49-О15-1; от 05.03.2015 г. № 11-УД15-1.

Суд кассационной инстанции, ревизионно проверив материалы уголовного дела и доводы жалобы, напротив, находит выводы суда первой инстанции о виновности К. правильными, основанными на исследованных в судебном заседании доказательствах. Доводы осужденного К. о непричастности к совершению преступлений при этом, как резюмирует кассационный судебный состав, опровергаются следующими доказательствами:

«...показаниями Щ., которые полностью соответствуют показаниям П. и Ш., данным на предварительном следствии»;

«...показаниями П., Щ. и Ш., которые объективно подтверждаются протоколом следственного эксперимента и протоколом осмотра места происшествия и трупа Т.»;

«...заключением эксперта подтверждаются и показания П., Щ. и Ш. о том, что после ухода К. из квартиры дверь автоматически закрылась на замок, после чего К. пытался открыть с помощью переданной ему Ш. монтировки и не смог этого сделать»;

«...соответствуют показания П., Щ. и Ш. и показаниям потерпевшей Т., из которых следует, что полотенце, которым был задушен ее муж, чужое и их семье не принадлежало»;

«...принимая во внимание согласованность показаний Щ., Ш. и П. ... соответствие их другим доказательствам ... суд (первой инстанции) обоснованно признал приведенные выше показания Щ., Ш. и П. достоверными»;

«...показаниями подсудимого Ш. о том, что убийство Т. совершил он, а также показаниями свидетеля П. о совершении убийства потерпевшего Щ. ... суд дал надлежащую оценку и обоснованно отверг их как противоречащие другим доказательствам, о чем в приговоре приведены мотивированные суждения, которые Судебная коллегия находит правильными и убедительными».

Как следствие, при подобном («ограниченном») предмете проверки суд кассационной инстанции «...обоснованно пришел к выводу о том, что убийство Т. ... совершил именно К., а не другое лицо».

Мы, естественно, не ставим под сомнение достоверность выводов кассационного состава суда, как по системе оцененных доказательств, так и по итоговым выводам, отраженным в кассационном решении. Вне субъективных сомнений и спора мы готовы признать это решение истинным и правосудным. Тем не менее при анализе хода и результатов данной кассационной проверки закономерно возникает вопрос: насколько характер действий, усилий и оценки суда соответствуют назначению, предмету и сути данной формы защиты? При отражении сути итоговых выводов в кассационном решении следует также резюмировать вывод о том, что суд кассационной инстанции проверял и

оценивал исключительно свойства законности окончательного акта суда, не вторгаясь ни в сферу фактической его обоснованности, ни достоверности и допустимости доказательств. Есть ли основания утверждать, что фактически в ходе данной проверки судом кассационной инстанции с учетом и на основе ст. 87, 88 УПК РФ дана самостоятельная оценка доказательств и исключительно на этой основе поддержаны или отвергнуты мотивы принятия обжалуемых решений и доводы кассаторов?

Нам могут возразить, что проверка юридической стороны приговора единственно верифицируется посредством указанных усилий суда, что через посредство иных познавательных средств законность приговора, как предмет кассационной проверки, а priori обеспечена быть не может.

Примечательно и то, что исследуемый пример не является субъективно подобранным. Аналогичные лексические конструкции, обосновывающие согласие или несогласие с выводами суда первой инстанции, системно объективируют себя в подавляющей части изученных кассационных определений.

При этом в одних определениях суд кассационной инстанции, видимо, в целях легитимизации предмета познавательной деятельности считает необходимым оговориться, что в соответствии с буквой закона он не проверяет фактической стороны приговора⁵, в других – формальное обращение к указанной формуле отсутствует; при этом лексические конструкции «обоснованно» и «достоверно» в них так же весомо присутствуют⁶.

В итоге считаем обоснованным резюмировать: указанный алгоритм деятельности и «обоснования» итоговых решений суда кассационной инстанции фактически является «реинкарнацией» апелляционного предмета проверки. Насколько это соответствует правилу *res judicata* и сути нового кассационного производства – вопрос правосознания каждого из исследователей. Нам же остается добавить, что во многом эти векторы заданы разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ. Последний, как известно, исчерпывающе разъяснил, что при наличии в кассационной жалобе указаний «... на допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона при исследовании или оценке доказательств (например, обоснование приговора недопустимыми доказательствами), повлиявшие на правильность установления судом

⁵ См., напр.: Кассационное определение СК ВС РФ №18-УД15-2 от 24.02.2015, № 66-УД14-3 от 17.02.2015, № 18-УД14-65 от 12.03.2015.

⁶ См., напр.: Кассационное определение СК ВС РФ № 71-О15-1 от 29.01.2015, № 4-О15-1 от 25.03.2015, № 13-УД15-1 от 03.03.2015, № 49-О15-1 от 26.02.2015.

фактических обстоятельств дела и приведшие к судебной ошибке, такие доводы не должны быть оставлены без проверки».

Список литературы

1. Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в уголовном процессе: изъяны законодательных новелл // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 45 - 41.
2. Кувалдина Ю.В. Обжалование приговоров, постановленных в особом порядке: настоящее и будущее // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. С. 14 - 15.
3. Потапов В.Д. Кассационное и надзорное производство: общее и особенное в контексте законодательных новелл от 29 декабря 2010 г. // Уголовное право. 2011. № 2. С. 99 - 102.

SUBJECT EXTRAORDINARY CASSATION CHECKS AS REFLECTION PROPERTIES OF RES JUDICATA

M. V. Sidorenko

Moscow Institute public administration and law

The article analyzes the impact of the adoption of the Federal Law № 433-FZ of December 29, 2010, according to which the Russian appeal proceedings significantly reformed along the lines of the national supervisory review. The conclusion about the importance of justice of judges who understand both the value of the limited subject of an extraordinary inspection, and the true purpose of exclusive control and verification of production in the context of the institutional idea of certain rights. For example, a specific judicial act renewed appeal of the Russian author analyzes the final decision of the court for compliance with the rule of res judicata and the essence of a new appeal.

Keywords: *Russia's Supreme Court, the appeal proceedings, the court, the judge.*

Об авторе

СИДОРЕНКО Мария Васильевна – канд. юр. наук, консультант Московского института государственного управления и права, e-mail: prorectormvs@yandex.ru

SIDORENKO Mariya - PhD, consultant of the Moscow Institute of Public Administration and Law, e-mail: prorectormvs@yandex.ru

Сидоренко М.В. Предмет экстраординарной кассационной проверки как отражение свойства res judicata // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2016. № 3. С. 18 – 23.